Юлия Сергеевна Черняховская –
кандидат политических наук,
преподаватель Академии МНЭПУ

Социальная фантастика Аркадия и Бориса Стругацких:

политическое прогнозирование в советской культуре

В феврале 2014 года вышел фильм Алексея Германа по повести Аркадия и Бориса Стругацких «Трудно быть богом». Это событие вызвало новую волну дискуссии о философии этих писателей.

Еще с советских времен поклонники Стругацких делятся на две группы. В одну из них изначально входили «правоверные» коммунисты, ценители созданного братьями идеального общества, коммунистической утопии Мира Полдня. Другая состояла из представителей диссидентских и околодиссидентских кругов, любителей мрачных антиутопических произведений типа «Улитки на склоне» или «Града обреченного». С течением времени первая группа растворилась в общей многоголосой толпе критиков утопии и веры в светлое будущее, вторая же разрослась, голос ее окреп и заглушил все остальные.

Однако социальная научная фантастика, помимо прочего, выполняет еще и функции познания и идеального конструирования действительности. Она отличается от строго научных произведений использованием образной формы и метафор, выступая как инструментом научного познания в определенных ситуациях – так и способом его осмысления, рефлексии. По сути признанным можно считать исполнение ею социально-конструирующей роли. Тем более это относится к социальной и философской научной фантастике и ее отношениям с другими формами политической мысли.

Томас Мор. Утопия. 1518 год

Использование образов и метафор не снижает ценности фантастики, а является приемом совместимого с научными данными познания в условиях, когда анализируются относительно новое явление или новые стороны действительности, не имеющие для своего отражения устоявшейся и общепринятой терминологии. Подобная ситуация складывается, в частности, в условиях тех или иных переходных периодов, например, между историческими эпохами. Она имела место при смене Средневековья Новым временем, при наступлении эпохи индустриального производства, когда возник первый запрос на утопические произведения. Утопии, являясь формой концептуально-упорядоченного осмысления действительности, в том числе и политической действительности, определенным видом политической мысли, соединяющей черты протонаучного образа с элементами теоретической модели, отражают социальные и познавательные запросы, особенно в межэпохальные периоды. Вместе с тем и сами они меняют свои очертания в зависимости от условий и накопленного обществом научно-познавательного багажа.

Аналогичная ситуация повторилась и тогда, когда по мере исчерпания возможностей совершенствования индустриальной эпохи возник запрос на новые контуры общественного развития – второй в истории человечества утопический запрос.

В 1950–1960-е годы прогнозирование будущего, его основных контуров, путей движения к нему стало одним из центральных политических вопросов. В ту пору еще не завершился переход политической мысли к политической науке. Данное обстоятельство повысило ценность осмысления будущего в форме художественно-политических утопий.

Утопии, являясь формой концептуально-упорядоченного осмысления действительности, в том числе и политической действительности, определенным видом политической мысли, соединяющей черты протонаучного образа с элементами теоретической модели, отражают социальные и познавательные запросы, особенно в межэпохальные периоды.

Нужно отметить, что советская научная фантастика как особая форма политической мысли в СССР сумела предложить осмысление данной проблематики раньше и не менее обоснованно, нежели сформировавшаяся несколько позже – ко второй половине 1960-х – западная футурологическая литература.

Одними из наиболее ярких художественно-политических

Модели будущего Аркадия и Бориса Стругацких (на фото) вышли далеко за рамки классической утопии. Писатели предъявили развернутое ви́дение политического развития будущего общества, поставили вопрос о его проблемах, противоречиях и источниках развития, препятствиях на пути движения к нему. Ими же были сформулированы проблемы, с которыми человек должен неизбежно столкнуться в ходе исторического и политического прогресса, а также поднят вопрос о морально-этической оценке прогресса, о том, как к нему следует относиться.

моделей будущего стали проекты, представленные в произведениях классиков советской научной фантастики Аркадия и Бориса Стругацких. Их модели будущего вышли далеко за рамки классической утопии. Писатели предъявили развернутое ви́дение политического развития будущего общества, поставили вопрос о его проблемах, противоречиях и источниках развития, препятствиях на пути движения к нему. Ими же были сформулированы проблемы, с которыми человек должен неизбежно столкнуться в ходе исторического и политического прогресса, а также поднят вопрос о морально-этической оценке прогресса, о том, как к нему следует относиться.

Предпринятое братьями художественными средствами комплексное осмысление возможных проблем политики будущего не вошло в противоречие с существовавшими на тот момент научными представлениями. Наработки писателей в этом направлении вплоть до сегодняшнего дня остаются во многом недооцененными и непроанализированными.

Творческую футурологическую рефлексию Стругацких можно разделить на три части. Первую часть с некоторой долей условности допустимо определить как политическую философию будущего, включающую в себя:

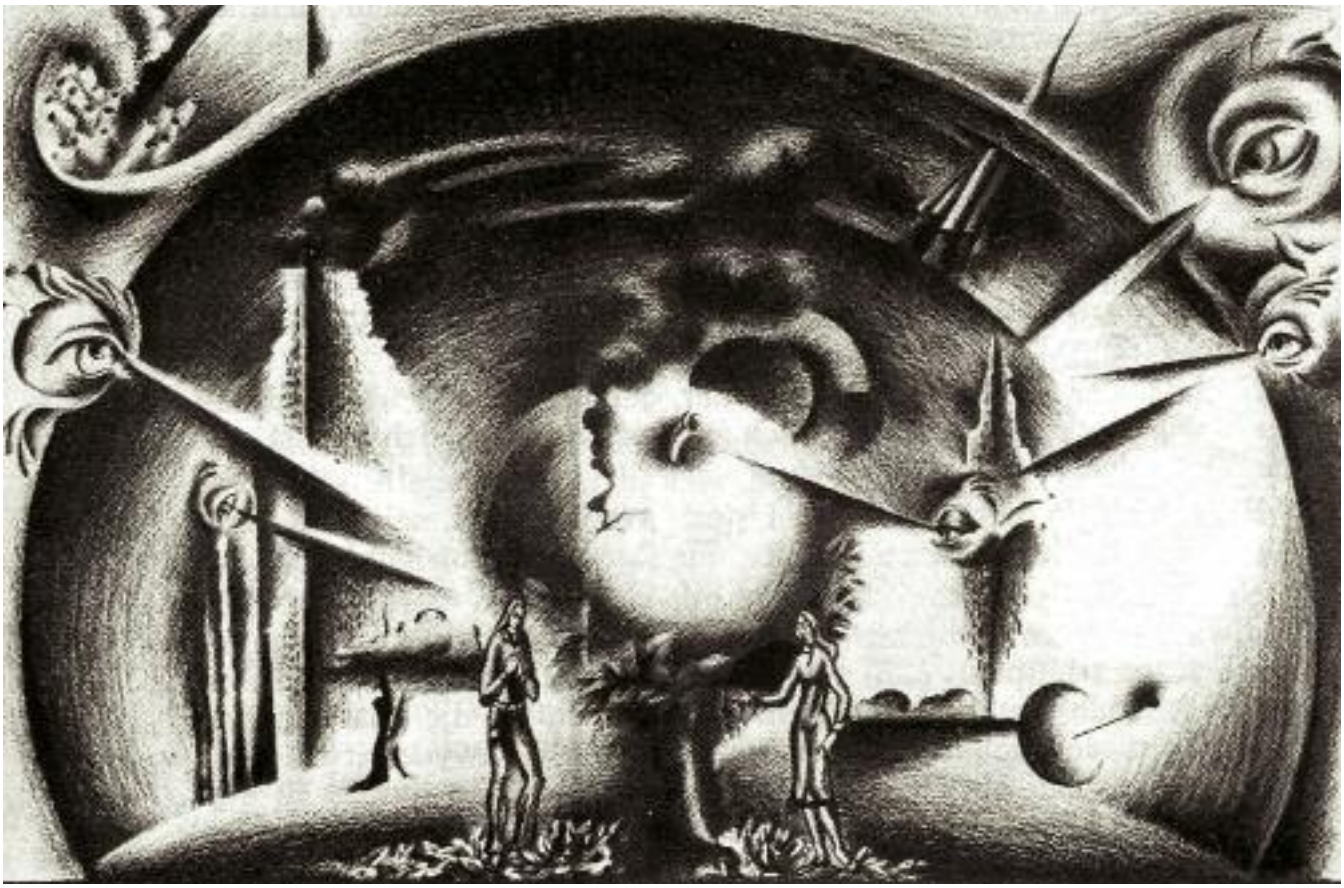
- модель и идеальный конструкт будущего общества;
- учение о его противоречивости и анализ его гипотетических противоречий;
- авторскую трактовку исторического и политического прогресса как явления и проблем его взаимоотношений с человеком;
- анализ социальных препятствий, встающих на пути создания описанного ими Мира Полдня.

Вторая часть может быть названа политико-философской рефлексией современных политических процессов – в том смысле, что к ней относится проблематика, касающаяся не столько будущего, сколько политической действительности настоящего и, в общем-то, прошлого. То есть речь здесь идет об общей проблематике политической жизни, в которой можно выделить:

- глубокое осмысление природы власти;
- оценку соотношения морали и ответственности, совести и разума в политике (данный аспект можно в известной степени считать учением Стругацких о политической этике);
- концепцию невозможности полноценного развития деидеологизированного общества.

Третья часть политико-философских разработок Стругацких выглядит не совсем научной, но зато оказывается самой существенной, это – в той или иной степени воплотившиеся в жизнь прогнозы. Последняя книга Стругацких о будущем – как современной им эпохе, так и будущем мира, который они описали, – «Волны гасят ветер» – выходит в 1985–1988 годах. В этой книге писатели размышляют на три темы:

- что будет источником и стимулом развития будущего общества;
- кто станет носителем прогресса в мире осуществленной утопии;
- каким окажется будущее созданного ими будущего.



Александр Добрицын. Волны гасят ветер

Последняя книга Стругацких о будущем – как современной им эпохе, так и будущем мира, который они описали, – «Волны гасят ветер» – выходит в 1985–1988 годах. В этой книге писатели размышляют на три темы: что будет источником и стимулом развития будущего общества, кто станет носителем прогресса в мире осуществленной утопии, каким окажется будущее созданного ими будущего.

Однако во второй половине 1980-х внимание общества сконцентрировалось на других вопросах – разворачивался трагический процесс, получивший название перестройки, результатом которого по существу и стала реализация пессимистических предвидений Стругацких. Для них самих и во время перестройки их политические представления оставались прежними, выраженными формулой: «Коммунизм – это квинтэссенция нормального бытия».

У писателей сложилось собственное политико-философское осмысление этого процесса. Первоначально – на фоне оглашавшейся политической риторики и активизации общественной жизни – они воспринимали происходившее как начало движения к осуществлению их идеалов, считали перестройку закономерным продолжением политического развития СССР. Именно в таком качестве она для них единственно возможна и необратима. Впервые эту мысль высказал Аркадий Стругацкий в 1987 году в интервью «Жизнь не уважать нельзя», причем на тот момент он воспринимал перестройку именно как восстановление курса на коммунистическое развитие. Писатели тогда жили ожиданием, что общество сумеет преодолеть зафиксированный ими разрыв между значимым для них пониманием коммунизма как общества свободного труда – и тем пониманием, которое было у власти и сводилось к другой формуле: общество выполнения решений власти.

Однако развитие ситуации после 1985 года вызывало у Стругацких всё большую обеспокоенность, и, наблюдая нарастание в обществе напряженности, они уже в 1988 году выпустили роман «Отягощенные злом, или Сорок лет спустя», в котором по сути предсказали, что нарастание общественной истерии в благих намерениях «борьбы с недостатками» чревато разрушением вызревающих в обществе начал будущего. Действие произведения отнесено ко времени спустя сорок лет после его выхода, но узнается как современное моменту написания. Наблюдая происходившее вокруг, Стругацкие пред-

Первоначально Стругацкие считали перестройку закономерным продолжением политического развития СССР. Именно в таком качестве она для них единственно возможна и необратима. Впервые эту мысль высказал Аркадий Стругацкий (на фото) в 1987 году в интервью «Жизнь не уважать нельзя», причем на тот момент он воспринимал перестройку именно как восстановление курса на коммунистическое развитие.

что, по их мнению, это особое положение СССР на пути прогресса и было связано с попыткой его ускорить – попыткой, которая легла в основу советской государственности. Но на тот момент писатели еще испытывали оптимизм по поводу перспектив страны: «Мы непременно опять выйдем на ту самую торную дорогу – потому что она одна. Это единственная дорога», – считали они. Но уже через год их настроение кардинально изменилось: «Мы пишем эти заметки осенью 1990 года. На дворе истекает сентябрь, все тускло, сумрачно, беспросветно. Ленсовет никак не может договориться с Собчаком, Ельцин – с Горбачевым, пришла зима – очень может быть, голодная и холодная».

сказывали опасность неумеренного энтузиазма, переходящего в политическую истерию: такой энтузиазм, формально направленный против действительно спорных и негативных явлений, оборачивается разрушением исподволь вырастающей системы элементов и основ нового общества. В 1989-м, наблюдая за начинавшимся закатом перестройки и предугадывая будущую трагичность этого процесса, они писали: «Наше государство – не искусственное порождение. Это общество, находящееся в аномальном состоянии. <...> Россия, или, вернее, СССР, как правильнее говорить, свернула с торной дороги цивилизации». Стругацкие опасались, что страна утратит роль ведущего на тот момент носителя прогресса, тем более

Оценку этих и других лиц политического бомонда Стругацкие дали в пьесе «Жиды города Питера». Писатели подчеркивали, что активно вовлеченные в перестройку:

- неспособны на созидательную работу;
- конъюнктурны, действуют под влиянием политической моды и смелы лишь в той степени, в какой им позволяют проявлять активность скрытые от показа в пьесе силы из высшей политической элиты;
- не могут защищать то, чему на словах присягают, и прекратят борьбу по первому сигналу элитных групп, а значит, не в состоянии принять ответственность за страну и готовы предать ее ради личного благополучия и безопасности.

Как показало дальнейшее развитие событий, опасения, высказанные Стругацкими и обусловившие их скепсис в отношении перестройки, сбылись сполна. Закономерным итогом перестройки стали ликвидация власти КПСС и раздел СССР, разрушение единого союзного государства, что уже в 2000-е было охарактеризовано Владимиром Путиным как «крупнейшая геополитическая катастрофа» XX века.

Однако несмотря на усугубление политического кризиса в стране, Борис Стругацкий и в 1991 году говорил: «Однако же коммунизм – это ведь общественный строй, при котором свобода каждого есть непременное условие свободы всех. <...> Да способен ли демократически мыслящий, нравственный и порядочный человек представить себе мир более справедливый и желанный, чем этот? Об этом мире люди мечтают с незапамятных времен».

Осенью 1991 года умер Аркадий Стругацкий, и, по словам Бориса Стругацкого, не стало больше писателя по имени «А. и Б. Стругацкие». Взгляды же Бориса Стругацкого нашли выражение во многих интервью, его гражданская и политическая позиция была достаточно сложной и заслуживает отдельного рассмотрения. Вышли сборник бесед «Невеселые беседы при свечах», его «Комментарии к пройденному» и, что особенно важно, «Интервью длиною в годы: по материалам офлайн-интервью». Последняя книга в значительной мере стала и разъяснением позиции Стругацких в отношении тех или иных общих мировоззренческих вопросов, замысла и толкования некоторых их совместных работ, систематизацией и подведением итоговых контуров системы политико-философских воззрений братьев. Безусловно, особый интерес представляют неоднократные указания Бориса Стругацкого на то, что идеа-

лы Мира Полдня, описанные ими в 1961 году, оставались для обоих Стругацких до конца их жизней столь же привлекательными и значимыми, какими они были во времена принятия Программы строительства коммунизма.

На этом фоне интересны оговорки Бориса Стругацкого о том, что он не считает изменения, произошедшие в обществе, необратимыми с точки зрения общего хода исторического прогресса. Когда в 2001 году ему был задан вопрос, как в книге «Отягощенные злом» они не угадали изменений, которые произойдут в обществе с конца 1980-х и до начала 2000-х, и описали в качестве близкого будущего общество, напоминающее середину 1980-х, но уже кажущееся устаревшим полтора десятилетия спустя, Борис Стругацкий ответил: «Если подумать <...> партия единственная <...> никаких вам олигархов – верно, не то, совсем, вроде бы, не то, что мы видим. И однако! Ведь действие романа происходит в конце 2020-х годов, “сорок лет спустя”. Подождем. Что-то мне подсказывает: всё это вполне еще может реализоваться <...>! И единственная партия <...> и полное отсутствие могущественных олигархов». Эта мысль тем более заслуживает самого пристального внимания, если сопоставить ее с высказыванием писателей в 1987 году: «Коммунизм – это квинтэссенция нормального бытия», – и учесть, что в 2000 году Борис Стругацкий давал однозначно негативную оценку результатам перестройки и вновь начинал испытывать чувство социального оптимизма. В этом контексте представляют интерес его оценки Ленина, которого он в 2003 году называл «гениальным профессиональным революционером». Величайшими деятелями истории, по мнению Бориса Стругацкого, были «люди, создавшие “новые миры”: Ленин, Рузвельт, Мао Цзэдун». Заслуживают внимания и его слова, что «идея коммунизма – мира чистых, добрых, бескорыстных людей, главной целью и главным наслаждением которых является творческий труд, – эта идея так же бессмертна, как и идея Бога».

Писатели еще испытывали оптимизм по поводу перспектив страны: «Мы непременно опять выйдем на ту самую торную дорогу – потому что она одна. Это единственная дорога», – считали они. Но уже через год их настроение кардинально изменилось: «Мы пишем эти заметки осенью 1990 года. На дворе истекает сентябрь, все тускло, сумрачно, беспросветно. Ленсовет никак не может договориться с Собчаком, Ельцин – с Горбачевым, пришла зима – очень может быть, голодная и холодная».

Словом, при учете всей неоднозначности идеологической и политико-философской позиции Бориса Стругацкого можно сделать следующие выводы.

Во-первых, основной чертой этой позиции была уверенность в безальтернативности стремления общества к коммунизму, понимаемому как мир свободного труда. Мечта о нем вечна – и вопрос лишь в путях и сроках реализации такой мечты.

Во-вторых, Мир Полдня, коммунизм – это не конец истории, в нем будут свои проблемы, и эти проблемы могут оказаться неожиданными.

Борис Стругацкий:

«Если подумать <…> партия единственная <…> никаких вам олигархов – верно, не то, совсем, вроде бы, не то, что мы видим. И однако! Ведь действие романа происходит в конце 2020-х годов, “сорок лет спустя”. Подождем. Что-то мне подсказывает: всё это вполне еще может реализоваться <…>! И единственная партия <…> и полное отсутствие могущественных олигархов».

В-третьих, альтернативой может быть лишь отказ от развития. И тогда либо мир потребления и духовной деградации, либо мир манипулирующей диктатуры, либо мир без цели и идеологии – мир «идеологического вакуума» и исторической деградации.

Как отмечает, говоря о рождающемся сегодня очередном запросе на новую утопию, отечественный исследователь проблем утопии Сергей Евдокимов, современный кризис развития порождает неуверенность в окружающем мире и потребность в преодолении такого состояния, что делает возрождение политического утопизма востребованным.

Картины и притчевые прогнозы Стругацких имеют политико-философский характер. Создав оптимистическую утопию Мира Полдня и показав, что она не будет безоблачной, Стругацкие предложили и пессимистический сценарий – серию политических прогнозов, в которых попытались проанализировать, что может стать альтернативой Миру Полдня:

- страна, которая раньше была значительно обширнее, но приведена к катастрофе выродившейся элитой, потерпевшая поражение и пытающаяся сохранить порядок на границах, изнутри пораженная нехваткой врачей, учителей и инфляцией;
- веривший в свою страну герой, у которого из благих побуждений его освобождения отняли все, что он ценил в жизни;
- «сталкеры», собирающие и продающие то, что осталось от ненадолго посетившей Землю Великой Цивилизации, торгующие случайно доставшимся им наследством, происхождения которого они не могут понять;
- общество, лишенное идеологии, не знающее смысла и целей своего существования, отказавшееся от своих ценностей и стратегических целей и потому обреченное на гибель;
- страна, уничтожающая свою культуру, где знание большего, чем необходимо для составления счета за товар, стало предосудительным;
- страна, подведенная к катастрофе представителями чужой цивилизации, которые теперь под видом спасения выманивают и увозят к себе ее детей и всех тех, которые сохраняют способность к рациональному действию.

В современной России степень узнаваемости приведенных моделей достаточно велика. А ведь все эти картины были написаны в период с начала 1960-х и до середины 1970-х. То есть мы имеем дело с некой вариативной прогностической моделью, в рамках которой удалось предугадать возможные угрозы, оказавшиеся в последнюю четверть XX века в той или иной степени реализованными в действительности. Пессимистический сценарий, об опасности которого предупреждали авторы, оказался осуществленным. Не говоря уже о том, что верным оказалось и предупреждение 1986-1987 годов об опасности упоения эмоционально-протестным активизмом в борьбе с теми или иными негативными сторонами реальности, так как подобный активизм способен привести к подмене конструктивных задач созидания будуще-

го уничтожением того, что могло бы составить его основу.

Если мы имеем перед собой систему решений, некоторые из которых мы можем оценить как верные, сбывшиеся, то значит, справедливы следующие выводы.

Во-первых, данная система решений может содержать в себе и иные верные, но для нас пока еще непонятные прогнозы.

Во-вторых, если мы имеем негативные предсказания, которые в значительной степени оказались обоснованными, то мы имеем право допустить и обоснованность позитивных прогнозов.

В-третьих, есть основания предполагать наличие в данной системе решений, дающих ответ на вопрос о возможных способах нейтрализации негативных вариантов развития и активизации позитивных.

В-четвертых, нам следует принять к рассмотрению и возможность того, что в данной системе содержатся и более долговременные прогнозы.

В-пятых, даже если не относиться к наличным образцам прогностики как к имеющим высокую точность, то мы всё равно должны, как минимум, задуматься о тех проблемных темах, которые ими затронуты.

Приведенные выводы тем более справедливы, что, по словам Бориса Стругацкого, все прогнозы писателей были не пророчествами, а результатами сугубо логических заключений. Их произведения 1960–1970-х описывали процессы, актуальные для сегодняшнего дня.

С одной стороны, Стругацкие создавали утопию, Мир Полдня, и выражали при этом свои базовые политические идеалы, рисовали мир, о котором сами говорили, что это то общество, в котором им хотелось бы жить. С другой стороны, они указывали на неизбежные в этом мире противоречия.

С одной стороны, писатели рисовали явно сциентистский образ этого мира. С другой стороны, главным его регулятором делали этические начала. С одной стороны, это мир гражданского участия, с другой – авторы говорили о наличии в нем тайной полиции и о ее оправданной неизбежности. Писали, что там, где есть тайная полиция, она неизбежно будет убивать невиновных, не скрывали своей отрицательной оценки этого – и это же оправдывали.

Они постулировали неодолимость прогресса и его неизбежность – и одновременно отмечали, что он всегда вне морали. Но вместе с тем утверждали, что прогресс осуществляется только посредством деятельности человека, который не может быть вне морали.

Братья подчеркивали, что разум должен быть инструментом совести, – и указывали, что он должен ограничивать совесть.

Подчеркивали, что ускорить историческое развитие общества невозможно, но тут же оговаривались, что не пытаться его ускорить также невозможно по человеческим соображениям.

Таких противоречий у Стругацких много, но они не эклектичны: писатели все время показывали, что движение и развитие общества осуществляется только в результате действия таких противоречий.

Представив новый тип утопии, соединяющей в себе черты опережающего идеального политического конструирования желаемого с началами прогнозирования как экстраполяции в будущее тенденций настоящего, Аркадий и Борис Стругацкие проектировали в рамках как оптимистического, так и пессимистического прогнозов. Показав на примерах выстроенных ими моделей, что мир, который они видели в качестве своего идеала, будет содержать в себе множество новых проблем и не станет идеальным, они осуществили прогностический анализ последствий возможного отказа от движения к нему и от сложностей движения по пути прогресса. И в результате сделали вывод, что такой отказ ведет к социальной деградации и неизбежному регрессу.

Прогностические картины Стругацких представляют особый интерес в силу того, что хотя они и были созданы задолго до событий конца 1980-х – начала 1990-х, они сегодня выглядят чрезвычайно злободневными, соответствующими контурам нынешней политической действительности и во многом оказываются сбывшимися предсказаниями.

Более детальный анализ политической философии и прогностики Стругацких мог бы в значительной степени содействовать пониманию текущего политического процесса и, возможно, перспектив его развития. Интересно и то, что, начав свое описание будущего с картин конца XX – начала XXI века, Стругацкие уже в своей главной работе 1961 года переносят существование описанного ими победившего коммунистического общества в XXII век – и практически обходят молчанием политические процессы и историю XXI столетия, а полное название этой книги – «Полдень. XXII век (Возвращение)».

Политико-философское и политико-теоретическое значение произведений Стругацких остается во многом недооцененным, хотя наследие политических мыслителей такого масштаба является подлинным достоянием отечественной политической науки, сохраняет свое значение и для ее истории, и для ее сегодняшнего развития.